Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.

IV [1]).

Первыя засѣданія редакціонныхъ коммисій.—Письмо фрейлины Раденъ къ Н. А. Милютину по порученію великой княгини Елены Павловны.—Борьба редакціонной коммисіи съ помѣщиками-крѣпостниками.—Князь А. И. Барятинскій въ Петербургѣ.—Его отношенія къ Н. А. Милютину.—Устраненіе князя отъ аристократическихъ взглядовъ на освобожденіе крестьянъ.—Болѣзнь Ю. Ѳ. Самарина.—Позенъ и его проекты.—Собранія въ домѣ г. Безобразова.—Адресъ оппозиціонной партіи.

Ободренный послѣднимъ разговоромъ съ государемъ [2]), въ которомъ было выражено сочувствіе къ предстоящему плану дѣйствій, успокоенный насчетъ своего страннаго положенія временнаго товарища и предсѣдательства въ комитетѣ, чрезъ который проходили всѣ дѣла по крестьянскому вопросу, а главное утѣшенный и ободренный появленіемъ новыхъ и достойныхъ сотрудниковъ, Николай Алексѣевичъ весь преобразился; надъ нимъ какъ бы загорѣлась звѣздочка и сіяніе ея ярко озарилось кругомъ. Отнынѣ ему дѣла не было до того, что плелось вокругъ него и противъ него. Отнынѣ онъ чувствовалъ и понималъ не хуже своихъ враговъ, что крестьянское дѣло дѣйствительно въ его рукахъ, но въ то же время чувствовалъ, что съумѣетъ съ нимъ совладать и привести къ благополучному концу. Отнынѣ и Ланской, и Ростовцевъ становились его учениками, охотно воспринимающими его мысль и при должной подготовкѣ умѣющими защищать и то, и другое

[1]) См. „Русскую Старину“ 1899 г., № 2.

[2]) Въ понедѣльникъ, на Святой 1859 года, о чемъ передано во II главѣ.

въ глазахъ государя. Для этого однако надо было неусыпно заниматься ихъ политическимъ воспитаніемъ, развивать ихъ понятія. Съ Ростовцевымъ это дѣло было не легкое, можетъ быть онъ имѣлъ и болѣе природнаго ума, нежели Ланской, но по образованію былъ несравненно его ниже. Ему пришлось усвоивать себѣ совершенно новыя понятія, учиться законодательному строю государства, знакомиться съ финансовыми его отправленіями, словомъ, пройти цѣлый курсъ права и политической экономіи. Объ успѣхахъ его можно судить по сравненію первой и второй половины его дѣятельности. Первыя засѣданія общаго присутствія редакціонной коммисіи (съ 4-го марта по 12-ое мая) происходили у Ростовцева, въ залѣ занимаемаго имъ дома 1-го Кадетскаго корпуса, на Васильевскомъ островѣ, а послѣ 12-го мая до поздней осени у него же, на дачѣ Каменнаго острова. Хозяйственное отдѣленіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ Николай Алексѣевичъ, собиралось у насъ на дачѣ Аптекарскаго острова, на берегу Невки, въ маленькомъ 5-ти комнатномъ флигелѣ, принадлежащемъ казенной дачѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ до тѣхъ поръ жили прежніе товарищи, Лексъ и Левшинъ. Въ свѣтлыя, теплыя лѣтнія ночи столъ иногда выносился въ садикъ и ставился посреди душистыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданія начинались около 8-ми часовъ вечера и часто длились до 5-ти утра; окончаніе споровъ происходило иногда уже за ужиномъ. Первое время не доставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ (что не мало сокрушало хозяйку, но современемъ все уладилось и обошлось). Окрестные работники и крестьяне, извозчики, лодочники скоро разузнали какого рода эти собранія и пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ какимъ-нибудь трогательнымъ образомъ выразить труженникамъ свое участіе и благодарность.

Хорошо было бы имѣть полную подробную исторію редакціонной коммисіи, этого поля сраженія, на которомъ встрѣтилось столько различныхъ мнѣній и разыгралось сраженіе, порѣшившее будущность русскаго крѣпостного народа! Живое описаніе главныхъ руководителей разнородныхъ группъ и партій, различныхъ мнѣній и стремленій, ожесточенныхъ споровъ, упорства и неизбѣжныхъ компромиссовъ, вліяніе двора, интригъ большого свѣта, словомъ всего, что отсутствуетъ въ печатныхъ трудахъ коммисіи и официальныхъ бумагахъ, но не могло не отражаться въ стѣнахъ засѣданій, все это разсказанное талантливымъ перомъ очевидца, составило бы интересную страницу въ нашей современной исторіи. Полагаю и надѣюсь, что это будетъ сдѣлано (а можетъ быть уже и сдѣлано); моя же скромная работа состоитъ не въ томъ, чтобы разсказывать общій ходъ законодательнаго переворота, что превзошло бы мое умѣнье, но указать на источники, къ которымъ обратятся для того въ будущемъ, собрать матеріалъ нужный для біографіи мужа, и такъ ска-

зать, нанизать вмѣстѣ письма, которыя онъ писалъ и получалъ, соединяя ихъ лишь краткими объясненіями.

Первымъ распоряженіемъ Николая Алексѣевича было раздѣлить коммисію на 3 отдѣленія: финансовое, юридическое и хозяйственное и распредѣлить ихъ работы. На этихъ отдѣленіяхъ и лежалъ главный трудъ. Общія же присутствія, собиравшіяся два раза въ недѣлю подъ предсѣдательствомъ Якова Ивановича Ростовцева, были сперва большою потерею времени и довольно мучительны. Ростовцевъ шелъ ощупью и не выходилъ изъ общихъ мѣстъ. Съ одной стороны онъ не чувствовалъ подъ собою той твердой почвы, которая дается знаніемъ и убѣжденіемъ, съ другой—не обладалъ ни ораторскими, ни предсѣдательскими способностями. Онъ не умѣлъ формулировать ни своей, ни другими выраженной мысли. Въ первое время не проходило засѣданіе, чтобы онъ, между прочимъ, не повторялъ любимой своей фразы о ходѣ и исходѣ крестьянскаго дѣла и своихъ непремѣнныхъ трехъ условій:

1) чтобы крестьяне немедленно почувствовали, что бытъ ихъ улучшился;

2) чтобы помѣщики немедленно успокоились, что интересы ихъ ограждены (а между тѣмъ онъ слышать не хотѣлъ о выкупѣ и долго не могъ понять придуманной мужемъ системы выкупной операціи);

3) чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась, отъ чего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушился бы.

Этотъ то 3-й пунктъ и былъ поводомъ къ предположенному учрежденію временныхъ генералъ-губернаторовъ, и много стоило мужу труда, чтобы успокоивать Ростовцева, а чрезъ него и государя. Было ли какое-либо основаніе полагать (справедливо говорилось въ запискѣ о генералъ-губернаторахъ), что крестьяне взбунтуются потому, что ихъ бытъ улучшится. Вся задача правительства должна была заключаться въ томъ, чтобы не было у нихъ разочарованій и чтобы обѣщанное улучшеніе ихъ быта привело къ дѣйствительной и полной гражданской свободѣ, при обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія.

«Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства».

Этими словами, какъ мы видѣли, оканчивалась записка Николая Алексѣевича о генералъ-губернаторахъ, и на смыслѣ этихъ словъ основана вся его государственная дѣятельность.

Два мѣсяца спустя послѣ открытія коммисіи произошелъ въ ней первый (и послѣдній) расколъ въ лицѣ представителей крупныхъ землевладѣльцевъ, Паскевича и Шувалова, и 29-го мая великая княгиня Елена Павловна, уѣзжая на лѣто за границу, уполномочила фрейлину Раденъ сообщить Н. А. Милютину слѣдующее:

«Великая княгиня, писала Раденъ, поручила мнѣ передать вамъ, что она имѣла вчера очень пріятный разговоръ съ императоромъ и воспользовалась случаемъ поручить комитетъ его милостивому вниманію, сказавъ, что онъ долженъ поддержать его противъ недоброжелательства, которое обнаруживается къ его стремленіямъ, и что вообще онъ долженъ попрежнему быть защитникомъ народа, всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ, оставаясь однако справедливымъ по отношенію къ дворянству. Ея высочество видѣлась также съ генераломъ Ростовцевымъ, котораго многіе ей рекомендовали. Великая княгиня сказала ему, что въ городѣ говорятъ, будто всѣмъ будетъ орудовать теперь Позенъ и что онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла комитета. Ростовцевъ покраснѣлъ и отвѣчалъ, что Позенъ человѣкъ весьма спокойный, что онъ не желаетъ ни во что вмѣшиваться и даже не надѣется быть министромъ финансовъ, хотя, между прочимъ, онъ на это мѣтитъ.

«Наконецъ вчера, послѣ обѣда, съ ея высочествомъ бесѣдовалъ князь Долгорукій, который выказалъ горячія симпатіи къ партіи Шувалова и очень сожалѣлъ о томъ, что изъ комитета исключенъ аристократическій принципъ и т. д. Великая княгиня отвѣчала очень находчиво и сказала, между прочимъ, что эти господа выходятъ изъ комитета не по случаю того вопроса, который стоитъ теперь на очереди и относительно котораго съ ними пытались придти къ соглашенію, но что они являются противниками тѣхъ принциповъ, которые были одобрены самимъ императоромъ нынѣшнюю зиму; тогда князь Долгорукій долженъ былъ замолчать».

Въ концѣ письма приписано рукою великой княгини:

«Наконецъ, я рекомендовала васъ и Черкасскаго еще Ростовцеву. Да хранитъ васъ Господь. Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду [1]).

Не лишнее будетъ замѣтить, что великая княгиня Елена Павловна только съ 1858 года переломила въ себѣ многолѣтнее свое нерасположеніе къ Якову Ивановичу Ростовцеву. Съ минуты назначенія его въ предсѣдатели редакціонной коммисіи, она стала употреблять всѣ силы своего дѣйствительнаго очарованія, чтобы загладить прошедшее и отчасти успѣла въ этомъ: Яковъ Ивановичъ (который дотолѣ платилъ ей взаимнымъ нерасположеніемъ), понемногу растаялъ и подъ конецъ хаживалъ повѣрять ей свои опасенія и сомнѣнія, жаловаться на трудность своего положенія.

Въ концѣ того же мая мѣсяца 1859 г. фрейлина Раденъ писала мужу изъ Берлина:

«Преобладающимъ настроеніемъ является о ж и д а н і е. Губернаторы

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

и уѣздные начальники губерній Царства Польскаго сказали великой княгинѣ, что они только и желаютъ, чтобы труды комитета были окончены какъ можно скорѣе и чтобы было объявлено рѣшеніе правительства. Они боятся продолжительной неизвѣстности ради своихъ экономическихъ интересовъ и изъ опасенія, что болѣе продолжительное ожиданіе увеличитъ соразмѣрно надежды крестьянъ, которые полагаютъ, что земля будетъ отдана имъ въ полную собственность и безо всякаго вознагражденія. Люди неблагонамѣренные или несвѣдущіе распускаютъ повидимому умышленно слухи, невыгодные для дворянства.

«Въ Кіевѣ происходитъ что-то очень странное. Послѣ войнъ, окончившихся въ 1815 г., мѣстные землевладѣльцы дали личную свободу многимъ изъ своихъ крестьянъ, которые самымъ спокойнымъ образомъ остались на своихъ земляхъ, не воспользовавшись правомъ переселенія. Число крестьянъ, освобожденныхъ такимъ образомъ, доходитъ, кажется, до 35.000 или около того. Въ настоящее время нѣкто, кажется, именно графъ Голуховскій, въ ожиданіи будущихъ перемѣнъ, выселилъ со своей земли 150 свободныхъ крестьянъ. Онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ уже годъ тому назадъ, но губернаторъ выхлопоталъ имъ тогда отсрочку на годъ: крестьяне были приписаны къ городамъ, но это нисколько не увеличило ихъ средствъ къ существованію, а въ настоящее время ихъ прогнали и они остались безъ крова и пищи; многіе изъ нихъ сидятъ въ тюрьмѣ, другіе обречены на нищету» [1]).

Обезземеленіе крестьянъ въ то время казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ, и творилось также по другимъ губерніямъ. Того же въ сущности добивались въ коммисіи Шуваловъ и Паскевичъ. О чемъ произошелъ съ ними расколъ въ коммисіи, формулируется въ журналѣ общаго присутствія 29-го мая 1858 года.

«Коммисія должна убѣдиться изъ множества ими разсмотрѣнныхъ рукописей, проектовъ и мнѣній, что еще и донынѣ нѣкоторыя лица продолжаютъ поддерживать мнѣніе по крестьянскому вопросу, прямо противорѣчащее высочайше указаннымъ началамъ и клонящееся въ той или другой формѣ къ окончательному освобожденію крестьянъ безъ земли и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ безземельныхъ работниковъ.

«Эта послѣдняя цѣль, не всегда ясно выраженная, не всегда равно сознаваемая даже тѣми, кто ее преслѣдуетъ, можетъ достигаться различнымъ образомъ. Нѣкоторые предлагаютъ прямо освобожденіе крестьянъ безъ земли, другіе указываютъ на косвенныя мѣры, которыя неизбѣжно приведутъ къ тому же; такъ напримѣръ, немедленное дозволеніе крестьянамъ отказываться отъ поземельнаго надѣла, для указанія

[1]) Переводъ съ французскаго. *

имъ дальнѣйшаго правильнаго исхода изъ обязательныхъ отношеній обратилось бы, безъ сомнѣнія, къ ущербу самихъ крестьянъ. Желая скорѣе освободиться отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній и увлекаясь отдаленными надеждами, иногда даже ложными слухами, они могутъ безрасчетно покинуть свои поля къ явному разстройству помѣщичьяго хозяйства и съ опасностью для государственнаго спокойствія; съ другой стороны—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля пріобрѣла особенную цѣнность, могутъ быть и со стороны землевладѣльцевъ употребляемы болѣе или менѣе насильственныя мѣры, чтобы заставить крестьянъ отказаться отъ надѣла, воспользоваться оными съ большею для себя выгодою. Пока крестьяне не привыкнутъ къ новому своему положенію и не пріобрѣтутъ не только въ законѣ, но и на самомъ дѣлѣ, должной самостоятельности, пока не прекратится нынѣшнее напряженное положеніе и не установятся спокойныя и правильныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, до тѣхъ поръ правительство не можетъ рѣшеніе важнѣйшаго государственнаго вопроса предоставлять случайностямъ борьбы, возбужденной между двумя сословіями.

«Подобная, ничѣмъ не сдержанная, борьба (не говоря уже у безусловной несовмѣстимости ее съ правильною государственною жизнью) должна повести къ постепенному водворенію между крестьянами полной безземельности и вмѣстѣ съ нею новой, хотя уже не юридической, но не менѣе дѣйствительной матеріальной зависимости пропитать себя и семейство. Правительство, имѣя въ виду и исторію, и настоящее положеніе вещей въ другихъ государствахъ, безъ сомнѣнія не можетъ допустить подобныхъ послѣдствій.

«Вотъ почему правительство, а съ нимъ и коммисія полагаютъ выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса, и, не дѣлая его обязателянымъ, желали бы обстановить его такъ, чтобы въ большей части случаевъ онъ могъ удобно совершиться для общей пользы.

«Вотъ почему съ другой стороны, изучая порученное дѣло во всѣхъ подробностяхъ, коммисія не могла не придти къ убѣжденію, что даже незначительное, повидимому, уклоненіе отъ указаннаго высочайшею волею пути въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, можетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи довести до результатовъ самыхъ гибельныхъ»...

Послѣ того, какъ Паскевичъ и Шуваловъ отказались участвовать въ занятіяхъ коммисіи, работы пошли быстрѣе, ибо не задерживались безконечными спорами и придирками къ мелочамъ, когда сущность разногласія была въ серьезной сторонѣ дѣла.

Этой же весной прибылъ въ Петербургъ другъ государя, князь Барятинскій; гдѣ именно онъ познакомился съ Николаемъ Алексѣевичемъ—не помню, но покоритель Шамиля былъ очень очарованъ Николаемъ Алексѣевичемъ, съ восхищеніемъ говорилъ о немъ, а лично показывалъ

ему всякое уваженіе и изъявленіе дружбы, просилъ чаще бывать у него, знакомить съ крестьянскимъ дѣломъ, объяснять на какихъ началахъ оно будетъ разрѣшаться. Н. А. Милютинъ, разумѣется, съ полною готовностью (по мѣрѣ возможности и свободнаго времени, котораго у него тогда было слишкомъ мало, чтобы читать лекціи) старался удовлетворять его справедливое любопытство, тѣмъ болѣе, что ему хорошо были извѣстны тайныя надежды, которыя возлагались на князя Барятинскаго всею аристократическою партіею въ Петербургѣ, разсчитывавшей найти въ немъ себѣ твердую опору и поддержку въ глазахъ государя. Николай Алексѣевичъ съ удовольствіемъ объяснялъ кавказскому герою (какъ въ то время звали князя) главные принципы, на которыхъ все должно быть основано, въ чемъ состоитъ разногласіе съ помѣщичьей партіею, предостерегалъ его отъ несправедливыхъ и глупыхъ обвиненій въ комунизмѣ, въ нарушеніи права собственности и проч., о чемъ тогда громко кричали, злоупотребляя вкривь и вкось словами partage de la proprieté. Выраженіе это находило себѣ особенно много потребителей въ кругу остзейскихъ бароновъ, которые еще прежде русскихъ помѣщиковъ почуяли намѣреніе правительства и представляли въ превратномъ видѣ цѣли, къ которымъ повела его горсть «опасныхъ соціалистовъ». Паника, что у нихъ отберутъ земли въ пользу крестьянъ, стала въ нихъ сказываться при самомъ первомъ возбужденіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ январѣ 1858 года, когда едва зашевелился вопросъ о надѣлѣ, одинъ изъ знакомыхъ мужа, русскій нѣмецъ, находившійся тогда за границею, писалъ ему слѣдующее:

«Il paraît qu'en Europe le Volcan se mettra bientôt à fumer. Пройдетъ еще годъ, другой, а тамъ пойдетъ трескотня, послѣ которой мало что уцѣлѣетъ».

Помню, какъ по прочтеніи этого письма мужъ бросилъ его съ нетерпѣніемъ на столъ и воскликнулъ:

— И такой-то галиматьей балтійскіе бароны будутъ теперь напускать туманъ на общество и пугать Зимній дворецъ.

А между тѣмъ, прошелъ годъ, прошелъ другой, прошелъ и третій и трескотни, какъ извѣстно, нигдѣ и никакой не было, кромѣ развѣ со стороны тѣхъ же бароновъ и всѣхъ корифеевъ враждебной эмансипаціи партіи.

Сношенія мужа съ княземъ Барятинскимъ были кратковременны, какъ и самое его пребываніе въ Петербургѣ; кромѣ встрѣчъ въ свѣтскомъ кругу, Николай Алексѣевичъ видѣлся съ нимъ на-единѣ всего два раза. Вотъ что самъ Барятинскій писалъ о немъ своему начальнику штаба Дмитрію Алексѣевичу въ іюнѣ 1859 года:

«Я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя два раза брата вашего, Николая Алексѣевича. Я передамъ вамъ на словахъ то пріятное, утѣши-

тельное впечатлѣніе, которое онъ на меня сдѣлалъ. Онъ многимъ превосходитъ все то, что могъ я ожидать».

Барятинскій остался чуждъ всякому духу партій, не послужилъ орудіемъ для распространенія клеветъ и воротился на Кавказъ, унося съ собою великое неудовольствіе всей возлагавшей на него упованіе петербургской аристократіи.

Усиленные труды депутатовъ перваго призыва дурно отразились на ихъ здоровьи. Первымъ поплатился въ неумѣренныхъ занятіяхъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Вслѣдствіе ночей, проведенныхъ за работою, напряженія и раздраженія, нервная система разстроилась, онъ впалъ въ меланхолію, сталъ страдать жестокими головными болями, наконецъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ, весьма похожій на нервный ударъ. Призванный его друзьями докторъ обнаружилъ приливы крови къ мозгу, поставилъ піявки, запретилъ на долгое время всякое занятіе и совѣтывалъ предпринять поѣздку за границу для полнаго отдыха. Самаринъ однако не хотѣлъ и слышать объ этомъ; отчаяніе его было велико; «всю жизнь, всю жизнь объ этомъ думать и теперь заболѣть!» горько говорилъ онъ; но чрезъ двѣ недѣли, оправившись немного, снова вступилъ въ засѣданіе коммисіи. Узнавъ о его болѣзни, великая княгиня Елена Павловна телеграфировала (изъ Остенде, гдѣ находилась на морскихъ купаньяхъ), чтобы его перевели изъ гостиницы пыльнаго и душнаго города (незавиднаго пристанища большей части членовъ редакціонной коммисіи въ эти два лѣта 1859 — 1860 г.) на Каменный островъ, гдѣ одинъ изъ флигелей дворца ея высочества былъ по ея предложенію уже занятъ Черкаскимъ; Юрій Ѳедоровичъ переѣхалъ и тутъ на короткое время поправился.

Между тѣмъ члены редакціонной коммисіи, несмотря на разность взглядовъ и мнѣній, въ виду все болѣе и болѣе возрастающей оппозиціи, сливались тѣснѣе и дружнѣе въ одно цѣлое. Въ стѣнахъ засѣданія бывали у нихъ жестокіе споры, но духъ, парящій надъ ними и направляющій всѣмъ, былъ одинъ и тотъ же. Даже между С. С. Ланскимъ и Я. И. Ростовцевымъ, благодаря мягкому посредничеству Николая Алексѣевича (такъ несправедливо обвиняемаго въ раздражительности) наступили вполнѣ согласныя дѣйствія. Этому помогалъ и самъ государь, которому случалось пересылать бумаги отъ одного къ другому и показывать, что онъ желаетъ ихъ считать солидарными. Съ своей стороны, Ростовцевъ, силою обстоятельствъ, сближался съ людьми, съ которыми дотолѣ не имѣлъ ничего общаго, которымъ не довѣрялъ и которые съ своей стороны не довѣряли ему; съ тѣми же, на которыхъ онъ возлагалъ свои надежды, долженъ былъ разойтися. Долго не вѣря въ возможность выкупа и побаиваясь разоренія дворянства, съ другой стороны желая пріобрѣсти популярность въ народѣ, а болѣе всего уго-

дить государю, онъ очутился между двухъ огней. Поработавъ нѣсколько засѣданій съ членами редакціонной коммисіи, онъ воодушевился бодростью и либеральными идеями. Возвращаясь изъ Царскаго Села послѣ доклада Я. И. Ростовцевъ разсказывалъ жалобы государя, что до него со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи о неудовольствіи дворянъ и о томъ, что имъ завладѣла шайка соціалистовъ. Въ маѣ онъ «краснѣлъ», когда ему говорили про Позена, и не хотѣлъ признаться, что дѣйствительно надѣялся на него, какъ на каменную гору; въ августѣ же они должны были разойтися какъ враги. Первое время, ожидая его пріѣзда съ нетерпѣніемъ, онъ не рѣшался ни на какія предложенія коммисіи, говоря, что ему необходимо знать сперва мнѣніе Позена. Онъ служилъ по провіантской части; въ военномъ министерствѣ, состоялъ долго при князѣ Чернышевѣ и, пріобрѣтя большое состояніе, онъ незадолго до Крымской войны былъ однако уволенъ отъ службы и уѣхалъ въ Малороссію управлять своими имѣніями. Ростовцевъ, подружившійся съ нимъ еще въ 1840 годахъ, смотрѣлъ на это вынужденное удаленіе Позена отъ правительственныхъ дѣлъ, какъ на большую потерю и несправедливость; говорилъ, что онъ удивительный финансистъ и кромѣ того знатокъ по части сельскаго хозяйства и вообще смотрѣлъ на него, какъ на какого-то генія по всѣмъ частямъ управленія. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Позенъ въ самомъ дѣлѣ принялся учить Ростовцева. Трудно сказать, что вышло бы изъ этого, еслибъ онъ не встрѣтилъ энергическій отпоръ со стороны Николая Алексѣевича и главныхъ его сотрудниковъ. Наставническій тонъ Позена, двойственность его дѣйствій, возростающая оппозиція, къ которой онъ все болѣе и болѣе склонялся, должны были окончательно бросить Ростовцева, такъ сказать, въ объятія членовъ редакціонной коммисіи и въ нихъ искать себѣ опоры. Въ іюлѣ 1859 г. онъ имъ уже жаловался на Позена и выдавалъ его головою, а въ августѣ произошелъ открытый съ нимъ разрывъ. Позенъ подалъ на него же доносъ государю чрезъ князя Долгорукова, а нѣсколько дней спустя подписалъ адресъ съ прочими депутатами [1]).

Оппозиціонный кружокъ всѣми силами старался затормозить дѣло.

«... Мой знакомый, писалъ въ августѣ Д. П. Хрущовъ Н. А. Милютину, нечаянно попалъ на дняхъ вечеромъ къ Михаилу Безобразову

---

[1]) Нѣсколько времени спустя въ сатирическомъ журналѣ „Искра“ (который тогда еще былъ хорошъ и остроуменъ) вышелъ нумеръ съ карикатурой на Позена и четверостишіемъ.

Лишь долгая опытность въ службѣ и практика въ жизни
Быть могутъ полезны любезной отчизнѣ.
Стремленья жъ людей молодыхъ, хоть разумны и честны,
Но въ дѣлѣ столь важномъ совсѣмъ неумѣстны...

въ извѣстный вамъ домъ на Фонтанкѣ. Присутствовали, уже извѣстные своими помѣщичьими подвигами, Бланкъ, князь Гагаринъ (бывшій рязанскій предводитель дворянства), Орловъ изъ Вологды, князь Волконскій, Желтухинъ и другіе. Тутъ доставалось краснымъ, Ростовцеву, вамъ и вашимъ, которыхъ слѣдовало уничтожить. Какъ средство читали проектъ адреса государю объ уничтоженіи работъ губернскихъ комитетовъ и редакціонной коммисіи и о принятіи одного главнаго основанія: личной свободы крестьянъ безъ земли. Затѣмъ въ адресѣ доказывается, что красные суть предатели, а что престолъ и отечество спасутъ только вѣрные дворяне, подписавшіе адресъ. Подписчиковъ предполагается собрать до 10-ти тысячъ чрезъ разныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, изъ которыхъ просятъ государя составить особую коммисію въ Петербургѣ на мѣсто редакціонной. О Шуваловѣ и Паскевичѣ говорятъ какъ о представителяхъ этого мнѣнія и очень на нихъ надѣются».

Копія съ этого адреса была все-таки подана государю А. Е. Тимашевымъ (тогда товарищемъ главнаго начальника III отдѣленія, князя Долгорукова) вмѣстѣ съ письмомъ къ нему и всеподданнѣйшею запискою Михаила Безобразова. Должно быть сей пресловутый адресъ, ходившій тогда по рукамъ, такъ же, какъ и прочія записки оппозиціонной партіи, казались весьма основательными. Но члены редакціонной коммисіи были иного мнѣнія и даже радовались, что въ оппозиціи не не было ни одного истинно даровитаго человѣка, который могъ бы стать во главѣ и вести противъ нихъ достойную войну. Въ сущности всѣ эти записки и адресы были не что иное, какъ доносы, съ общими мѣстами, пустословными обвиненіями, темными намеками, нападками на бюрократію и проч., не имѣющіе смысла относительно редакціонной коммисіи, гдѣ было даже больше помѣщиковъ, нежели чиновниковъ и гдѣ не только не владычествовала рутина и бюрократизмъ, напротивъ обсуждалось гласно и всѣ журналы печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ; такъ продолжалось до назначенія графа Панина, который значительно сократилъ эту публикацію. Но къ сожалѣнію, въ то время никакъ нельзя было ручаться, что и самое нелѣпое обвиненіе не будетъ имѣть успѣха и не повліяетъ на встревоженное уже воображеніе государя, а потому Сергѣю Степановичу Ланскому, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, надлежало безпрестанно входить въ объясненія, толкованія и опроверженія.

V.

Записка земскаго отдѣла редакціонной коммиссіи о положеніи крестьянскаго дѣла въ августѣ 1859 года.—Послѣдствія этой записки.—Сдержанность крестьянъ.—Балъ въ Дворянскомъ собраніи.—Возобновленіе болѣзни Ю. Ѳ. Самарина.—Отъѣздъ его заграницу.—Два письма его къ Николаю Алексѣевичу Милютину.

Въ августѣ 1859 года была подана отъ земскаго отдѣла редакціонной коммисіи записка, поясняющая ходъ крестьянскаго дѣла и въ какомъ положеніи оно тогда находилось. Составленная Соловьевымъ и Николаемъ Алексѣевичемъ записка эта имѣетъ историческое значеніе для будущаго, какъ правдивый отчетъ правительства того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была служить противоядіемъ отъ постепенной медленной отравы, изготовляемой на кухнѣ противоположнаго лагеря. Судьба этой записки также довольно курьезна. Копія съ нея была выкрадена у писаря земскаго отдѣла однимъ изъ депутатовъ и ходила между ними по рукамъ. Третье отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи поспѣшило доложить это государю; онъ пришелъ въ большое негодованіе, разбранилъ бѣднаго Ланскаго; Соловьева чуть не отрѣшилъ отъ должности, подозрѣвая его въ умышленномъ распространеніи этой записки тогда, какъ ничто не могло быть противнѣе служебному характеру Соловьева и ближайшимъ интересамъ дѣла, которому онъ былъ преданъ всей душой. Многаго усилія стоило Ланскому успокоить государя и убѣдить его въ невинности Якова Александровича, который все-таки получилъ монаршій выговоръ, а затѣмъ было потребовано отъ него письменное объясненіе и наряжено полицейское изслѣдованіе, которое, разумѣется, ничего не открыло, потому что никому изъ депутатовъ не хотѣлось признаться въ воровствѣ. У Николая Алексѣевича не было даже чернового экземпляра, но въ 1862 году, послѣ смерти С. С. Ланскаго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами отъ дочери покойнаго перешелъ въ его руки и самый подлинникъ этой записки съ отмѣтками государя.

Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время.

Возвращено отъ государя 8-го августа 1859 г.

Всѣ губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу (за исключеніемъ только пермскаго и ставропольскаго) кончили и прислали свои работы, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о главныхъ чертахъ направленій ими руководившихъ.

Отъ объявленія первыхъ трехъ рескриптовъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости (по Литовскимъ, С.-Петербургской и Нижегородской губерніямъ) прошло слишкомъ полтора года. На предварительное соединеніе дворянства всѣхъ прочихъ губерній потребовалось 11 мѣсяцевъ (съ ноября 1857 по октябрь 1858 года). Согласно воли вашего величества административныя мѣры по сему предмету не имѣли ничего понудительнаго. Они ограничивались однимъ лишь устраненіемъ недоразумѣній и опасеній, возникавшихъ въ дворянскомъ сословіи разныхъ мѣстностей.

Первое извѣстіе о предполагаемой реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущенія, отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостного труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатокъ мѣстныхъ администрацій, чрезполосность и продажа усадьбъ, долги кредитнымъ установленіямъ, и наконецъ, участь мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ—представлялись неодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи. Примѣръ с.-петербургскихъ и нижегородскихъ дворянъ не могъ еще дать рѣшительнаго оборота дѣлу, ожидали отзыва Москвы.

Для успокоенія и направленія умовъ, по непосредственному указанію вашему, сдѣланъ былъ цѣлый рядъ поясненій по всѣмъ предметамъ, возбуждавшимъ сомнѣніе. Сохраняя неприкосновенными общія начала и частное развитіе ихъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, объявлено что правительство беретъ на себя преобразованіе мѣстнаго управленія и устройства межеванія, сдѣланы нѣкоторыя указанія о способѣ выкупа крестьянами усадьбъ и о пользованіи ими до выкупа; вмѣнено въ обязанность комитетамъ обратить вниманіе на положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и представить объ устройствѣ ихъ особыя соображенія; наконецъ объяснено, чрезъ предводителей дворянства, что не въ поспѣшности, какъ думали помѣщики нѣкоторыхъ губерній, а въ медленности изъявленія желаній на открытіе комитетовъ заключаются опасенія народныхъ волненій. Мало-по-малу опасенія разсѣялись, мысль о возможности и необходимости преобразованія стала распространяться, а губерніи одна за другой стали присылать всеподданнѣйшіе адресы о желаніи приступить къ устройству крестьянскаго быта. Въ десяти губерніяхъ адресы эти представлены за подписью 219-ти предводителей и депутатовъ, по единогласному уполномочію дворянства, состоящаго изъ 25.204 помѣщиковъ; въ остальныхъ губерніяхъ они подписаны 18.548 дворянами. Вслѣдствіе сего состоялись высочайшіе рескрипты въ январѣ 1858 года по Московской губерніи, въ мартѣ по 8-ми губерніямъ, въ апрѣлѣ—по 12-ти, въ маѣ—по 11-ти,

въ іюнѣ—по 4-мъ, въ іюлѣ—по 3-мъ и высочайшее повелѣніе объ устройствѣ крестьянъ въ Сибири; наконецъ въ октябрѣ—по губерніямъ: Вятской, Пермской и Олонецкой.

По мѣрѣ полученія рескриптовъ были произведены выборы членовъ въ комитетъ и ихъ кандидатовъ, а за симъ послѣдовало и самое открытіе занятій. Въ первую половину минувшаго года, начиная съ открытія с.-петербургскаго комитета 14-го января, было открыто 8 комитетовъ; во вторую половину—35, въ томъ числѣ виленская общая коммисія. Въ первые мѣсяцы текущаго года приступили къ своимъ работамъ остальные пять комитетовъ, въ томъ числѣ послѣдняя 19-го апрѣля кіевская общая коммисія. Такимъ образомъ, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживался въ 48-ми губернскихъ комитетахъ и коммисіяхъ. Всѣхъ участвующихъ въ нихъ было до 1.377-ми, изъ числа коихъ можно положительно сказать, едва ли десятая доля занималась предположеннымъ предметомъ; остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, умѣвшихъ овладѣть дѣломъ. Возложенное на комитеты порученіе на было окончено въ срокъ и породило, при своемъ исполненіи, значительное различіе мнѣній. Главная причина медленности заключалась въ новости дѣла и недостаткѣ раціональнаго знанія хозяйственнаго быта и мѣстныхъ условій, а отъ того въ неясности понятій о предметѣ. Не имѣя самостоятельно выработаннаго взгляда и боясь повредить интересамъ помѣщиковъ, большая часть комитетовъ ждала себѣ образцовъ въ постановленіяхъ с.-петербургскаго и московскаго. Ко всему этому присоединялась неопытность предсѣдателей, соединенная съ опасеніями лишиться голосовъ на дворянскихъ собраніяхъ. Въ то же время изъ столицы доходили сбивчивые толки. Одни говорили, что положеніе уже написано въ Петербургѣ, и труды комитетовъ будутъ напрасны; другіе увѣряли, что все дѣло оставлено. Смущаясь этими слухами, большинство старалось оттянуть рѣшеніе вопроса и теряло время въ спорахъ о мелочныхъ, не относящихся къ сущности дѣла подробностяхъ.

Между тѣмъ разногласіе мнѣній касалось самыхъ коренныхъ началъ реформы: предоставленія крестьянамъ личныхъ правъ и прочной усадебной осѣдлости. Оба начала были сохранены твердою волею вашего императорскаго величества, выраженнаго, относительно личнаго выкупа—въ высочайшемъ повелѣніи по нижегородскому комитету, относительно усадьбы—въ резолюціи на докладѣ бывшаго московскаго генералъ-губернатора и въ рѣчи московскому дворянству; указанія на эти высочайшія повелѣнія послужили предостереженіемъ другимъ комитетамъ, когда въ нихъ возникали подобные вопросы. Начало сохраненія за крестьянами усадебной осѣдлости, столь необходимой для обезпеченія ихъ быта, имѣло еще то благопріятное послѣдствіе, что навело

комитеты на мысль о предоставленіи крестьянамъ на выкупъ не однѣхъ усадьбъ, а всего надѣла.

При незнаніи членами порядка совѣщаній, разномысліе порождало во многихъ комитетахъ нарушеніе внѣшняго порядка засѣданій, которыя, впрочемъ, имѣли ту хорошую сторону, что убѣдили большинство въ необходимости установить въ преніяхъ болѣе порядка и давать каждому члену возможность свободно высказывать свои мысли.

Вообще, въ большинствѣ представленныхъ комитетами проектовъ не заключается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ. Въ нихъ выразились стремленія къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы; составители проектовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ земли ихъ останутся безъ рукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлости сужденій: съ одной стороны, комитеты вдаются въ мелочныя подробности, напримѣръ опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой--выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы о соединеніи вѣдомствъ, объ откупной системѣ и т. п. Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія рознятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ, и наоборотъ, сходятся въ томъ, въ чемъ должны бы были отразиться мѣстныя различія, именно въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ, напр. астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ с.-петербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ и даже для одной и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различные надѣлы. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ тѣмъ, какъ на него смотритъ большинство дворянства.

Въ нѣкоторое извиненіе комитетовъ слѣдуетъ сказать, что правительство возложило на нихъ рѣшеніе трудной и сложной задачи. Имъ поручено было не только устроить хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, примѣняясь къ существующимъ нынѣ въ каждой мѣстности условіямъ, но и обсудить крестьянскій вопросъ съ юридической и административной точекъ зрѣнія.

Но если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, то въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ. Такъ, кромѣ выкупа земли, нѣкоторые проекты содержатъ въ себѣ сохраненіе за крестьянами настоящаго на-

дѣла, уменьшеніе повинностей, предоставленіе крестьянамъ безвозмездно ихъ строеній и движимаго имущества, оставленіе за ними права пользоваться лѣсомъ и т. п.

Не входя въ разборъ подробностей при общемъ обзорѣ комитетскихъ положеній, можно вывести изъ нихъ слѣдующія преобладающія мнѣнія:

Первое мнѣніе тѣхъ, которые мало показываютъ сочувствія освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Иные подвергаютъ ихъ строгому и безусловному осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостного права, не могутъ ясно постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ имъ въ будущемъ разореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты первою статьею своихъ положеній единогласно постановили отреченіе отъ крѣпостного состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ подъ разными видами встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ, и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, полтавскомъ, въ большинствѣ тульскаго, вяземскаго, владимірскаго, московскаго, нижегородскаго, симбирскаго, вологодскаго, тамбовскаго и новгородскаго (13 изъ 48).

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Къ числу такихъ попытокъ, въ особенности слѣдуетъ отнести представленную вашему величеству записку подъ лит. а, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ «таится глубоко обдуманный планъ демократической революціи въ Россіи». Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или желаютъ сохранить барщинный трудъ, и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе личности крестьянъ и выхваляя «свободу труда» желаютъ всячески уменьшить крестьянскій надѣлъ и ограничить пользованіе землями однимъ 12-ти лѣтнимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Воронежскій комитетъ напр. даже совсѣмъ не хочетъ употребить слово «надѣлъ», а называетъ его «наймомъ». Или же, наконецъ, какъ напр. ярославскій комитетъ, который изъ-

являетъ согласіе на выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ правительства по 270 рублей за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія въ настоящее время не имѣютъ никакого твердо установившагося плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостного состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками.

Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую, поземельную аристократію, подобную англійской и, вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ. На предоставляемыя крестьянамъ въ собственность усадьбы, и въ пользованіе полевыя угодья, оставляютъ за помѣщикомъ подъ именемъ «вотчинныхъ правъ» особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привилегіи на западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть со стороны этого отправленія только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держатся люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различіе времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, если бы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вопросъ о «вотчинныхъ правахъ» первоначально возбужденъ былъ въ с.-петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостного права. Они составляютъ хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство тверскаго комитета, большинство харьковскаго и кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности самарскаго, тульскаго, рязанскаго, владимірскаго и симбирскаго.

Сочувствуя вполнѣ видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею, они, впрочемъ, во многихъ частныхъ вопросахъ между собою расходятся. Но мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и всесторонняго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти, и выкупъ, обязательный или необязательный, всего или части крестьянскаго надѣла въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ.

Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться въ послѣднее время желаніе вызвать какое-либо явное проявленіе того, что они называютъ общественнымъ мнѣніемъ, дабы измѣнить направленіе правительства, которое ищетъ соглашенія взаимныхъ выгодъ двухъ сословій, а не односторонняго разрѣшенія вопроса въ интересахъ одного изъ нихъ. Нельзя также умолчать о напряженномъ ожиданіи со стороны крестьянскаго сословія. Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу.

Съ самаго восшествія вашего на престолъ, народная молва время отъ времени назначаетъ то тотъ, то другой срокъ манифеста объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Въ настоящее время этимъ фактомъ, по общему во всѣхъ сословіяхъ распространившемуся слуху, назначается день рожденія и празднованіе совершеннолѣтія государя наслѣдника.

Объяснивъ со всею откровенностью нынѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла, считаю обязанностью всеподданнѣйше обратить вниманіе вашего императорскаго величества на нѣкоторыя мои соображенія по этому предмету.

По мѣрѣ развитія крестьянскаго вопроса, мысль о выкупѣ все болѣе укореняется и становится общимъ убѣжденіемъ. При обнародованіи первыхъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта, правительство не упомянуло о выкупѣ. Комитеты: нижегородскій, ковенскій, виленскій, тверской, а за ними и другіе, сами вошли въ обсужденіе сего предмета, какъ лучшаго исхода для крестьянскаго вопроса. Дозволеніе комитетамъ составлять выкупныя положенія встрѣчено было со всеобщею радостью, и даже многіе комитеты понизили предполагаемую ими оцѣнку земли и въ особенности усадебъ; партія, не сочувствовавшая реформѣ, ослабѣла; нѣкоторые комитеты, уже окончившіе проекты срочно-обязаннаго положенія, спѣшили составить другіе на выкупномъ началѣ. Въ настоящее время на мысли о выкупѣ сошлись комитеты самыхъ противуположныхъ концовъ Россіи и самыхъ противуположныхъ

направленій: защищающіе исключительно помѣщичьи интересы и преданные крестьянскому дѣлу. Многіе изъ нихъ сознаютъ невозможность и несправедливость обязательнаго выкупа, но нѣтъ ни одного, который бы не признавалъ его безусловно полезнымъ при добровольномъ соглашеніи помѣщиковъ съ крестьянами.

Но при всемъ желаніи и общемъ распространеніи этой мысли, выкупъ угодій посредствомъ добровольныхъ соглашеній можетъ совершиться не скоро. Посему, немедленно надлежитъ даровать крестьянамъ гражданскія права; для обезпеченія этихъ правъ улучшить полицейскія учрежденія, открыть новыя учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, сохранить за крестьянами настоящій надѣлъ угодьями, съ нѣкоторыми только измѣненіями и немедленно облегчить повинности, а вслѣдъ за симъ привести ихъ въ соразмѣрность съ надѣломъ. Но дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи, а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей, полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ мировыхъ судей и другихъ общихъ для обоихъ сословій должностныхъ лицъ въ собраніяхъ общихъ, какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія.

При такихъ только мѣрахъ можно будетъ спокойно ожидать послѣдствій добровольнаго выкупа, который при надлежащемъ посредничествѣ правительства, вѣроятно, не замедлитъ осуществиться. Въ заключеніе, обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ 21-мъ комитетами членовъ, я признаю долгомъ выразить, что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ двухъ первыхъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ явится съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія, выразивъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараются достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣло. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленные и не образовались партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самого начала должно быть положительно устранено. Согласно высочайшему вашего величества повелѣнію избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ

имѣть. Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности.

Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ, или измѣненія въ государственномъ устройствѣ.

Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли вашего величества и никакой перемѣны подлежать не можетъ. Царское слово не поколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какимъ оно произнесено вами для блага современниковъ и потомства.

На подлинной запискѣ государь собственноручно написалъ:

«Нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями. Прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцеву».

Подобная резолюція была истинною радостью для мужа и его друзей; желанная цѣль была достигнута, государь близко ознакомился со всѣми результатами уже добытыми, убѣдился въ необходимости для правительства идти неуклонно по тому же пути, увидѣлъ, что уже нѣтъ возврата, что обѣщанное улучшеніе быта крестьянъ не можетъ безъ нарушенія государственнаго спокойствія не перейти въ полное освобожденіе, съ надѣломъ земли посредствомъ выкупа. Въ то же время рѣзко устраняя возможность сохранить надъ крестьянами вотчинное право, въ ней, однако, въ первый разъ говорится о земскихъ учрежденіяхъ, которыя вознаградили бы дворянъ за потерю помѣщичьей власти. Опасенія насчетъ ожиданія народа къ совершеннолѣтію наслѣдника, 8-го сентября 1859 года, къ счастью не оправдались, по крайней мѣрѣ они не выходили изъ предѣловъ сдержанныхъ надеждъ и упованій, и день этотъ сошелъ такъ-же благополучно, какъ и многіе послѣдующіе.

«Какое назидательное зрѣлище представляетъ народъ въ 24 милліона душъ!» писалъ Николаю Алексѣевичу, около того времени, Карамзинъ изъ деревни. «Годъ смѣняетъ годъ, а покуда все то же; носятся слухи, а все выходятъ пустые слухи; а народъ, жаждущій своего освобожденія, ожидающій его съ часу на часъ, постоянно подстрекаемый этими слухами, остается спокоенъ, переноситъ терпѣливо всякія неправды, которыя продолжаются безъ всякой перемѣны. Можно вообще сказать, что народъ въ мышленіи своемъ подвигается, онъ теперь со-

всѣмъ не такъ смотритъ и не такъ мыслитъ, какъ назадъ тому 20-ть лѣтъ; между тѣмъ какъ масса помѣщиковъ почти ни на волосъ не перемѣнилась въ идеяхъ своихъ».

Опасность была не тамъ гдѣ ее ожидали, надо было видѣть какъ наша оппозиція поднимала голову даже на вечерахъ, въ салонахъ великой княгини Елены Павловны, и на балѣ 8-го сентября, данномъ въ дворянскомъ собраніи по случаю совершеннолѣтія наслѣдника! Сколько тутъ заготовлялось интригъ, сколько происходило наушничанья, какъ эти господа задирали носъ и плохо скрывали свою злобу на членовъ редакціонной коммисіи!

Вслѣдъ за этимъ баломъ, который друзей и недруговъ засталъ еще на дачахъ по островамъ и окрестностямъ Петербурга, выпалъ снѣгъ, наступилъ морозъ, а 10-го сентября мы переѣхали въ городъ, куда перемѣстились и засѣданія коммисіи.

Здоровье Юрія Ѳедоровича Самарина съ наступленіемъ осени значительно ухудшилось; снова повторился припадокъ, послѣ котораго онъ по неволѣ долженъ былъ оставить на время работу и уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ за границу [1]).

Грустно провожали его товарищи. Ничто лучше не характеризуетъ людей какъ собственныя письма; потому приведу сюда нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Юрія Ѳедоровича къ Николаю Алексѣевичу во время этой поѣздки за границу, которая все-таки не могла разлучить его мысль съ товарищами, ни съ заботами, имъ равно близкими и дорогими. Съ другой стороны, эти письма дадутъ возможность заглянуть въ частную жизнь и часы досуга того небольшого круга людей, отъ котораго отворачивалось, какъ отъ прокаженныхъ, высшее петербургское общество.

Вирцбургъ $^{9}/_{21}$ октября 1859 г.

«Сколько мнѣ помнится, передъ отъѣздомъ моимъ мы заключили полюбовную сдѣлку въ трехъ пунктахъ: 1) я къ вамъ буду писать; 2) вы мнѣ не будете отвѣчать, 3) обязываетесь читать мои письма. Теперь для меня самое время отдать вамъ отчетъ въ первой половинѣ моего путешествія, которое я заканчиваю завтра. Эта половина составляетъ отдѣльный періодъ, посвященный исключительно потребленію винограда въ неимовѣрномъ количествѣ и проведена мною безвыѣздно въ Вирцбургѣ. Именно Вирцбургъ, а не другой городъ избралъ я для леченія, потому во-первыхъ, что здѣсь я засталъ брата, у котораго поселился, во-вторыхъ виноградъ очень хорошъ и въ нынѣшнемъ году родился въ такомъ изобиліи, что продавцы отпускали его только что не съ припла-

---

[1]) Онъ уѣхалъ 15-го сентября и воротился въ первыхъ числахъ декабря.

тою отъ себя; въ-третьихъ, наконецъ, окрестности очень хороши, воздухъ отличный.

«Осмотрѣвъ всѣ церкви, замки, монастыри я въ продолженіе трехъ недѣль съ утра до вечера бродилъ по городу и окрестностямъ, деревнямъ, если только можно назвать деревнями группы домовъ, выстроенныхъ посреди виноградниковъ, изъ дикаго камня, крытыхъ черепицею и съ отлично вымощенными улицами. Мнѣ любопытно было вникнуть въ подробности домашней жизни, въ семейный и хозяйственный бытъ низшихъ сословій; съ этою цѣлью я подружился въ здѣшнихъ харчевняхъ съ разными ремесленниками и крестьянами изъ окрестныхъ деревень, у которыхъ не разъ бывалъ въ гостяхъ. Ихъ домашній бытъ поражаетъ съ перваго взгляда своею прочностью и какою-то строгою опредѣленностью во всѣхъ подробностяхъ. Хотя законодательство не признаетъ сословій, но они существуютъ на дѣлѣ въ видѣ рѣзко разграниченныхъ состояній; каждое изъ нихъ раздѣляется на классы, каждый классъ, въ свою очередь, распадается на мельчайшія группы, напримѣръ въ классѣ слугъ: горничныя, кухарки, разсыльные и т. д. Все это живетъ особнякомъ. Каждый кружокъ выработалъ себѣ цѣлый сводъ исторіи о своихъ правахъ и обязанностяхъ, о принятомъ для него образѣ жизни, о той степени благосостоянія, о тѣхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, которыя ему доступны. Всѣ потребности въ точности соразмѣрены съ средними средствами и заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые никогда не переступаются. Малѣйшее нарушеніе этихъ всѣми подразумѣваемыхъ кодексовъ общежитія немедленно казнится общественнымъ мнѣніемъ. Отсюда какая-то странная и для насъ непонятная ограниченность въ понятіяхъ и требованіяхъ. Вы чувствуете, что общество, въ которомъ все такъ прочно обжилось, на своемъ мѣстѣ, рѣшительно неспособно обновиться сверху до низу.

«Какой нибудь забулдыга, спившійся съ кругу, загулявшійся или замотавшійся, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ исключеній, о которыхъ цѣлый городъ говоритъ съ отвращеніемъ и ужасомъ. Прочное устройство общественнаго быта восполняетъ недостатокъ личной энергіи, и люди, по природѣ своей слабые, находятъ невольную поддержку въ безчисленномъ множествѣ всякихъ перилъ и перегородокъ, которыми они обставлены.

«Насмотрѣвшись на людей, я захотѣлъ сколько нибудь ознакомиться съ учрежденіями и порядкомъ управленія. Это изученіе облегчено въ Германіи до послѣдней возможности. Въ любой книжной лавкѣ вы найдете по всѣмъ частямъ законодательства и по всѣмъ отраслямъ управленія множество превосходныхъ руководителей, учебниковъ и комментаріевъ, составляющихъ совершенно особенный отдѣлъ

*

полу-офиціальной, полу-ученой литературы. У насъ онъ вовсе не существуетъ. Это нѣчто въ родѣ... [1]), на которомъ сходятся для обмѣна мыслей и для взаимной повѣрки своихъ взглядовъ, профессора и чиновники. Это мостъ,—перекинутый между отвлеченной наукой, преподаваемой въ университетахъ, и служебной практикой. Мы прямо, однимъ скачкомъ, переходимъ отъ энциклопедіи правовѣдѣнія Рѣдкина къ подведенію статей свода законовъ и съ перваго шагу теряемся въ массѣ частныхъ случаевъ. У нѣмцевъ есть цѣлая литература, предназначенная для приготовленія къ службѣ воспитанниковъ университетовъ, и служебная опытность, пріобрѣтаемая однимъ поколѣніемъ, не прогадаетъ для слѣдующаго, а передается ему въ видѣ стройнаго разработаннаго ученія. Объ этомъ я еще надѣюсь съ вами переговорить.

«Иностранныя законодательства намъ вообще мало знакомы, особенно нѣмецкое, и изученіе ихъ могло бы принести намъ огромную пользу. Оно пріучило бы насъ отрѣшаться мысленно отъ той точки зрѣнія, на которую насъ ставитъ наша современность, оглядывать возникающіе вопросы съ разныхъ сторонъ, и вселили бы въ насъ спасительное сомнѣніе въ безошибочности тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ насъ приводятъ наши личныя впечатлѣнія, взятыя изъ очень ограниченнаго круга. Мы, напримѣръ, извѣдали на себѣ фактическія невыгоды и вопіющія несправедливости общиннаго устройства. Оно намъ колетъ глаза; но мы противупоставляемъ ему не другой фактъ, не другое устройство, а другой отвлеченный принципъ, который только потому и кажется намъ безукоризненнымъ, что мы у себя дома не видѣли его осуществленія. При этомъ, мы не хотимъ знать, что у нашихъ сосѣдей теорія, за которую мы распинаемся, давнымъ давно испробована на дѣлѣ и породила тысячи своеобразныхъ неудобствъ, опасностей и несправедливостей, противъ которыхъ идетъ теперь законодательная реакція. Всѣ нѣмецкія правительства съ начала нынѣшняго вѣка до 30-хъ годовъ усердно хлопотали о томъ, какъ бы скорѣе подорвать самородную сельскую общину, основанную на хозяйственныхъ поземельныхъ интересахъ, передѣлить всѣ угодья, предоставить полную свободу частнымъ лицамъ въ распоряженіи недвижимою собственностью и поставить ихъ въ прямыя сношенія и непосредственную зависимость отъ правительства, помимо всякой зависимости отъ общинъ и корпорацій. Имѣя на своей сторонѣ врожденный каждому человѣку личный эгоизмъ, не трудно было достигнуть этой цѣли; но какъ скоро осуществился такой порядокъ вещей, всѣ правительства разомъ почувствовали, что на плеча ихъ легла такая отвѣтственность, которую они не въ силахъ были снести. Всѣ эти явленія вы-

[1]) Одно слово неразобрано.

звали одновременную реакцію въ Пруссіи, въ Саксоніи, въ Вюртембергѣ, въ Баваріи и тутъ-то преобразователи поняли свою ошибку и начали рвать на себѣ волосы. Если мы не оплѣшивѣемъ къ концу нашего комитета, и мы подвергнемъ себя той же казни!

«Передо мной лежатъ теперь Баварскіе законы послѣдняго десятилѣтія. Нѣкоторые изъ нихъ очень любопытны; напримѣръ, новое положеніе о сельскихъ общинахъ, которымъ всячески затрудняется передѣлъ и отчужденіе въ личную собственность общественныхъ угодій, тогда какъ тому назадъ тридцать лѣтъ къ этому всячески поощряли и послушныхъ гладили по головкѣ. Теперь вмѣнено въ обязанность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство дозволяетъ отчужденіе общественныхъ угодій, оставлять изъ нихъ нѣкоторую часть про запасъ, для раздачи во временное пользованіе нуждающимся членамъ общины. Далѣе, на каждое общество возложена очень тяжелая обязанность содержать на свой счетъ бѣдныхъ. Наконецъ, закономъ 12-го марта 1850 года, городскимъ и сельскимъ обществамъ вмѣнено въ обязанность, въ случаѣ какихъ бы то ни было безпорядковъ, отвѣчать за всякій ущербъ, кѣмъ бы то ни было нанесенный, и выдавать вознагражденіе по оцѣнкѣ. Это вознагражденіе взыскивается не съ начальства, а по раскладкѣ со всѣхъ членовъ общины, не разбирая кто виноватъ, кто правъ, и затѣмъ уже общество вѣдается съ причинившими безпорядокъ. Всего замѣчательнѣе то, что каждый городъ и каждая деревня отвѣчаетъ только за дѣйствіе своихъ членовъ. Если бы, напримѣръ, въ Вирцбургѣ подгулявшіе Бромбергскіе граждане перебили окна у Вирцбургскихъ гражданъ или ограбили проѣзжаго, то за убытки отвѣчаютъ не Вирцбургскіе граждане, попустившіе безпорядокъ, а городъ Бромбергъ. Слѣдовательно, каждое общество отвѣчаетъ круговою порукою за нравственность своихъ членовъ. Что бы сказалъ на это Татариновъ? Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Вирцбургѣ мнѣ пришло въ голову, что не мѣшало бы мнѣ употрѣбить досужее время на обревизованіе городского управленія. Я отправился къ бургомистру и объявилъ ему во-первыхъ, что я графъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, во-вторыхъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской днемъ и ночью думаетъ только о томъ, въ порядкѣ ли пожарная часть въ Вирцбургѣ, исправно ли ведутся ипотечныя книги, возобновляется ли чрезъ каждыя 5 лѣтъ оцѣнка домовъ, и т. д. и что онъ поручилъ мнѣ все это разузнать на мѣстѣ и ему донести въ подробности. Вслѣдствіе такого моего заявленія, въ распоряженіе мое командированъ былъ магистратскій чиновникъ, съ которымъ я произвелъ подробную ревизію всего что меня интересовало. Вообще я остался доволенъ исполненіемъ, но самое городское учрежденіе безобразно. Здѣшній магистратъ соединяетъ въ себѣ два назначенія: общественнаго

представительства и низшей политической инстанціи, подчиненной окружному правленію, такъ что бургомистръ, какъ выборный отъ общества и блюститель общественныхъ интересовъ, безпрестанно протестуетъ и ведетъ тяжбу отъ имени города противъ распоряженій окружнаго правленія, которое онъ же приводитъ въ исполненіе. Бургомистръ есть въ одно и то же время городской голова и городничій. Пожарная часть устроена отлично и ничего не стоитъ городу. Всѣ служащіе, даже низшіе чины, набираются изъ охотниковъ, которые жалованья не получаютъ и содержатъ инструменты на свой счетъ.

«Я собралъ, на всякій случай, коллекціи уставовъ: прусскихъ, баварскихъ и австрійскихъ, о сельской полиціи и о паспортахъ. Послѣдніе, по порученію брата. Скажите ему, однако, отъ меня, что по части паспортной теперь уже ничему не научишься заграницею.

«Я получилъ здѣсь письмо отъ княгини Черкаской; пожалуйста поблагодарите ее отъ меня за извѣстіе о томъ, что творится въ Петербургѣ и особенно поблагодарите отъ меня Марью Аггеевну за ея добрую память. Я не рѣшился писать къ ней потому, что чувствовалъ, что письмо мое выйдетъ прескучное и предлинное. Тысячи вопросовъ вертятся у меня на языкѣ, но я наложилъ на себя тяжелый обѣтъ воздержанія по всѣмъ комитетскимъ дѣламъ. Только одно слово: ради Бога берегите общину и не уступайте ее депутатамъ. По этому вопросу я не очень надѣюсь на Черкаскаго и Соловьева.

«Дружески обнимаю васъ и посылаю мой усердный поклонъ всему хозяйственному отдѣленію. Завтра я отправляюсь во Франкфуртъ, оттуда въ Швейцарію, Туринъ, Миланъ и т. д.»

Отъ 10-го ноября 1859 года. Венеція.

«Княгиня Черкаская увѣдомила меня, что вы собирались писать ко мнѣ, а потомъ раздумали, ну а что если не собираясь и не раздумывая, а просто уступая желанію на нѣсколько минутъ перенестись съ Адріатическаго моря въ вашъ домъ и подсѣсть къ столу, за которымъ вы теперь вяжете длинными спицами что-то очень мудреное, напишу вамъ безсвязное письмо, не испросивъ вашего на то позволенія. Хотѣлось бы мнѣ знать напередъ, что вы на это скажете?..

«Я не налюбуюсь на англичанъ. Гдѣ только они есть, а они встрѣчаются рѣшительно вездѣ, путешественникъ испытываетъ двойное наслажденіе. Горы, озера, соборы, картины, статуи, все прекрасно само-по-себѣ; а въ придачу ко всему дается еще фигура англичанина, который посреди швейцарской и италіанской природы играетъ роль... подобно тому какъ на всѣхъ картинахъ, на которыхъ, изъ художниковъ венеціанской школы, даже на образахъ вы непремѣнно увидите борзую собаку, кошку или цаплю, гдѣ-нибудь на первомъ планѣ. Но чтобы вполнѣ

оцѣнить англичанъ, надобно видѣть ихъ въ ту минуту, когда они слушаютъ италіанцевъ, разсуждающихъ о политикѣ, или точнѣе, размахивающихъ руками и выходящихъ изъ себя по поводу политической будущности Италіи. Это составляетъ для англичанъ особеннаго рода удовольствіе, новоизобрѣтенный sport, за который они платятъ деньги. Два-три человѣка сговорятся, и подмѣтивъ въ кофейной какого-нибудь оратора, они приглашаютъ его на обѣдъ въ гостиницу. Италіанцы почти всегда голодны. За угощеніе платятъ, разумѣется, англичане, а италіанецъ за столомъ обязанъ разсказать какъ онъ понимаетъ федеративное устройство Италіи, какъ папа сдѣлается конституціоннымъ королемъ, какъ чрезъ недѣлю Гарибальди можетъ занять Вѣну и т. д. Однимъ словомъ, вся разница между италіанцемъ и медвѣдемъ, котораго у насъ водятъ по деревнямъ, заключается въ томъ, что первый самъ себя показываетъ за деньги, тогда какъ съ медвѣдя зарабатываетъ оброкъ нижегородскій крестьянинъ. Для насъ, русскихъ, всего забавнѣе то, что какъ англичане такъ и италіанцы воображаютъ, что мы съ ними за одно, и берутъ насъ въ свидѣтели своего взаимнаго непониманія и обоюднаго безконечнаго презрѣнія.

«Я очень хорошо знаю, что лихорадочное одушевленіе и драматическая обстановка, которыми въ Италіи сопровождается всякое народное движеніе, имѣетъ въ себѣ много смѣшного. Скажу болѣе: худо если для народа его собственное стремленіе къ очень еще далекой цѣли дѣлается предметомъ художественнаго наслажденія, если, какъ теперь въ Италіи, самъ народъ себѣ рукоплещетъ и задаетъ торжества. Для насъ, жителей Сѣвера, воспитанныхъ въ спокойной сосредоточенности, этотъ соблазнъ самопоклоненія не существуетъ; но глядя на верхнюю Италію и откладывая въ сторону все, что составляетъ принадлежность южнаго темперамента, нельзя не позавидовать народу, которому далась же, наконецъ, историческая минута, вызывающая къ полному проявленію всего, что накопилось у него на душѣ. Каково же тѣмъ, кому приходится цѣлый вѣкъ утѣшаться мыслью, что хотя все, что у нихъ по виду дрябло, безцвѣтно и мертво, но за то на какой-то неизвѣданной глубинѣ, за тремя замками и пятью затворами, сидятъ до поры до времени какія-то невѣдомыя силы, приберегаемыя судьбою для неразгаданнаго призванія. Надобно видѣть восходъ и закатъ солнца на Адріатическомъ морѣ, чтобы понять, что у насъ оно какъ-будто нехотя выглядываетъ и потомъ прячется; стоитъ взглянуть на Италію въ настоящую минуту, чтобы почувствовать вдругъ разницу между полнотою народной жизни, и полусномъ... На пути изъ Милана въ Венецію, я видѣлъ въ одинъ день три арміи, утромъ — французскую, въ полдень—сардинскую, а вечеромъ—австрійскую. Всѣ онѣ имѣютъ свою особенную физіономію. Французскіе солдаты вообще невзрачны, мелки,

одѣты очень дурно и отличаются какою-то неблагопристойною развязностью; но офицеры вообще держатъ себя очень строго и прилично; всѣ тѣ, съ которыми я имѣлъ случай говорить, очень хорошо образованы. Сардинцы ловки и граціозны какъ всѣ итальянцы, на лицахъ играетъ воодушевленіе первой молодости. Австрійцы смотрятъ какими-то допотопными великанами; казалось бы каждый изъ нихъ въ состояніи взять въ охапку десятокъ французовъ.

«Венеція превзошла всѣ мои ожиданія. Своеобразная красота этого города, отсутствіе трескотни и грома на улицахъ, беззвучность движенія по каналамъ и эти слѣды прошлаго величія и безпримѣрной роскоши, выглядывающіе на каждомъ шагу изъ-подъ живописныхъ лохмотьевъ настоящаго,—все это разомъ вырываетъ пріѣзжаго изъ среды обычныхъ представленій и переноситъ въ какой-то фантастическій міръ...

«Я почти не схожу съ площади Св. Марка. Она великолѣпна днемъ и едва ли не лучше ночью при лунномъ свѣтѣ. Какъ только сядетъ солнце, сюда выходитъ вся Венеція подышать свѣжимъ воздухомъ. Посреди площади, ярко освѣщенной газомъ, собирается австрійская военная музыка. Она наигрываетъ свое «Боже царя храни», а въ сторонѣ толпа чернобровыхъ италіанцевъ, заломивъ шляпы на бекрень и взявшись подъ-руки, распѣваетъ хоромъ какія-то народныя пѣсни, очень противныя бѣлымъ мундирамъ. Эти полные звуки, подъ мѣрный топотъ шаговъ по мраморной мостовой, долго еще носятся надъ городомъ, послѣ того какъ все въ немъ затихнетъ. Смѣшно было бы, еслибъ я вздумалъ описывать вамъ все это мраморное великолѣпіе, которое собрано здѣсь на тѣсномъ пространствѣ одной площади, но я не могъ отказать себѣ въ желаніи какъ-нибудь подѣлиться съ вами наслажденіемъ, которое я здѣсь испытываю одинъ; въ Венеціи продаютъ за безцѣнокъ превосходные фотографическіе снимки лучшихъ здѣшнихъ видовъ, я собралъ ихъ и везу съ собою, чтобы поднести ихъ вамъ и княгинѣ Черкаской.

«Завтра я уѣзжаю отсюда въ Тріестъ, Вѣну, Прагу, Дрезденъ и обратно въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Давно не имѣлъ я извѣстій изъ Россіи, но я знаю, что въ Прагѣ меня ожидаютъ письма.

«Извините, что я на первый разъ не въ мѣру расписался и употребилъ во зло право взятое мною безъ спроса, но я до сихъ поръ не встрѣтилъ знакомой души, а когда проводишь цѣлый день въ вынужденномъ молчаніи, то невольно становишься болтливъ на письмѣ...

«...Нынче день воскресный, тотъ день, въ который я привыкъ являться гостемъ на вашу домашнюю трапезу, и потому, проработавъ всю недѣлю, я хочу доставить себѣ удовольствіе хоть заочно съ вами побесѣдовать и напомнить вамъ объ отсутствующемъ. Два года, проведенные мною въ Петербургѣ, меня избаловали, и мнѣ теперь не легко

привыкать опять къ совершенному одиночеству. Конечно, есть у меня и здѣсь хорошіе знакомые и добрые пріятели, но это не то; все это не замѣняетъ дружескаго дома. Знаете ли вы, что такое домъ въ настоящемъ, лучшемъ значеніи этого слова? То есть не четыреугольникъ, обнесенный каменными стѣнами, а такая среда, въ которой дышется честнымъ, здоровымъ, семейнымъ воздухомъ, въ которой раздаются дѣтскій смѣхъ и дѣтскія слезы, въ которой хозяевамъ нечего скрывать отъ людей въ ихъ прошедшей жизни и настоящемъ. Такихъ домовъ въ Петербургѣ очень не много. Большинство напоминаетъ клубъ, больницу или арестантскія роты. Васъ Богъ благословилъ высшимъ благословеніемъ, давши вамъ настоящій домъ, но вы, разумѣется, живя въ этой средѣ и не зная другой, не можете этого цѣнить какъ мы, старые холостяки».

(Продолженіе слѣдуетъ).